

«Я буду появляться вместе со снами...»

*«И как ни сладок мир подлунный,
лежит тревога на челе.
Не обещайте деве юной...»*

Булат Окуджава

Между нами -- одиннадцать лет разницы, я -- старшая сестра и страшно горжусь тем, что это неугомонное лукавое зеленоглазое чудо слушается только меня, ценит только моё слово и, похоже, больше всех на свете любит именно меня.

Когда мне было целых двадцать шесть: «Сестра, сгоняй на родительское собрание, предки меня не поймут». Ходила, выслушивала: «Это переходит всякие границы! Нет, не хулиганит, но вечно -- вопросы с подковырочкой!» «А вы ответить, что ли, не в состоянии?» «Да за такие вопросы сажать надо!»

Наглядевшись на этих, с позволения сказать, учителей, он и решил стать учителем. Настоящим: -- «Хочу дружить с детьми». Мамины сомнения: «Учителем -- чего? У него явные способности к математике, -- все равно провалит, нужен репетитор. Но ведь и самому придётся заниматься! А его за стол не усадишь».

Нашёлся, однако ж, репетитор, оказавшийся в силах усадить за книги моего брата (я теперь замужем за ним, за репетитором этим).

Примолк. Читает. И не только -- по математике. Ахматова, Мандельштам, Булгаков, самиздатовский Бродский, Стругацкие, Гофман. «Всю королевскую рать» зачитал до дыр. Мамины сомнения: «Толстенный том -- за ночь. Он пропускает описания природы» (мама у нас в дальнем прошлом -- тоже учительница). Устроили экзамен: шпарит, шпана, описания природы едва ли не наизусть.

МГПИ. Разочарование: «Учат не тому. Педагогика -- глупая наука. В народе говорят: стыда нет -- иди в «мед», ума нет --иди в «пед». Брошу.»

Бесконечный -- из семестра в семестр -- хвост по английскому. Учебники, естественно, пылятся на полках, а то и вовсе под диван засунуты. Усадить за стол некому. Бывший репетитор давным-давно -- друг-приятель, кореш (немножечко, правда, и враг: женился-таки, пройдоха, на сестре, отбил, увёл, отнял) и именуется ласково «Учителем». С неподражаемой интонацией: «Учитель». Вроде бы и с большой буквы, а вроде бы даже и чуть-чуть снисходительно.

Любовь. Нет, страсть: лучше гор могут быть только горы. А ещё -- пещеры.

Новые кумиры -- спелеологи Александр Морозов и Аркадий Иванов, смельчаки, эрудиты, острословы, влюблённые в пещеру по имени Снежная, что на Кавказе. Снежная -- глубочайшая на территории Союза. Снежная: подземные лабиринты, реки, залы, озёра, водопады. Недостигаемая -- впрочем, как для кого! -- неукротённая, неотразимая и опасная красота.

Мечты о славе. Сбылось. Отцу: «Шагаю себе, фазер, по площади Пушкина, никого не трогаю, а над «Известиями» -- аршинные буквы из огоньков. Советские, мол, спелеологи Александр Морозов, Аркадий Иванов и Алексей Кореневский прошли не пройденный маршрут, достигли растакой-то глубины. Наша, фазер, фамилия, над Москвой».

23-е сентября -- день рожденья, праздник. Созвездие Девы сменяется созвездием Весов. Отец, заглянув на секунду в его (десять квадратных метров) комнату: «Сколько же их туда набилось? Человек двадцать? Сорок?» Мамин утренний ужас, смешанный с восхищением, когда -- распахнув холодильник: «Всё подмели!»

Не раздобыть надёжной славы.

Покуда кровь не пролилась...

Собираясь в дорогу, он сказал моему мужу, что вернуться ему не суждено. Тот его отчитал. Он и мне намекнул, но я тогда не поняла, что со мной -- прощаются. Теперь-то, вчитавшись в его стихи, знаю: таким, как он, их час известен наперёд.

Крест деревянный иль чугунный

Обещан нам в грядущей мгле.

Не обещайте дева юной...

На плато, неподалёку от Снежной, где их -- Сашу Морозова, Алёшу Преображенского и нашего Алёшку -- настигла лавина, друзья подняли памятник. Песчаник и бронза -- никакой лавине не одолеть. На века. О том, что он был поэтом, я узнала уже после его гибели. Юная дева -- его Беатриче и Лаура, чистейшей прелести чистейший образец - узнала об этом, быть может, первой. Она хранит, знаю, Алешкины тетрадки.

Наталья Кореневская, 1991